

Глава XVIII. МОЯ ВСТРЕЧА И РАЗГОВОР С ЛЕНИНЫМ

На другой день ровно в час дня я был опять в Кремле, у председателя Всероссийского Центрального Комитета Советов рабочих, крестьянских и солдатских депутатов товарища Свердлова. Он провел меня к Ленину. Последний встретил меня по-отцовски и одной рукой взял за руку, другой, слегка касаясь моего плеча, усадил в кресло. Затем попросил Свердлова сесть, а сам прошелся к своему, по-видимому, секретарю или переписчику и сказал ему: «Вы, пожалуйста, закончите это к двум часам», — и лишь тогда сел против меня и начал расспрашивать.

Первое: из каких я местностей?.. Затем: как крестьяне этих местностей восприняли лозунг «Вся власть Советам на местах!» и как реагировали на действия врагов этого лозунга вообще и Украинской Центральной рады в частности? И бунтовались ли крестьяне моих местностей против нашествия контрреволюционных немецких и австрийских армий?.. Если да, то чего не доставало, чтобы крестьянские бунты вылились в повсеместные восстания и не слились с красногвардейскими отрядами, с таким мужеством защищавшими наши общие революционные достижения?..

На все эти вопросы я отвечал Ленину кратко. Ленин же со свойственным организатору и руководителю умением старался так обставлять свои вопросы, чтобы я как можно подробнее на них останавливался. Так, например, на вопрос, как крестьяне тех местностей, откуда я, воспринимали лозунг «Вся власть Советам на местах!», Ленин переспрашивал меня три раза, и все три раза удивлялся тому, что я говорил ему, а именно, что этот лозунг крестьянами воспринят своеобразно: власть Советов на местах — это по-крестьянски значит, что вся власть и во всем должна отождествляться непосредственно с сознанием и волей самих трудящихся; что сельские, волостные или районные Советы рабочих-крестьянских депутатов есть не более и не менее как единицы революционного группирования и хозяйственного самоуправления на пути жизни и борьбы трудящихся с буржуазией и ее прихвостнями — правыми социалистами и их коалиционной властью...

- Думаете ли вы, что это понимание крестьянами нашего лозунга «Вся власть Советам на местах!» — правильное понимание? — спросил меня Ленин.

Я ответил:

- Да.
- В таком случае крестьянство из ваших местностей заражено анархизмом, — добавил Ленин.
- А разве это плохо? — спросил я его.

- Я этого не хочу сказать. Наоборот, это было бы отрадно, так как это ускорило бы победу коммунизма над капитализмом и его властью.
- Для меня это лестно, — сказал я Ленину, полуусмехаясь.
- Нет, нет, я серьезно утверждаю, что такое явление в жизни крестьянства ускорило бы победу коммунизма над капитализмом, — повторил мне Ленин и добавил: — Но я только думаю, что это явление в крестьянстве неестественно: оно занесено в его среду анархистскими пропагандистами и может быть скоро изжито. Я готов допустить, что это настроение, будучи неорганизованным и подпав под удары восторжествовавшей контрреволюции, уже изжило себя.

Я заметил Ленину, что вождю нельзя быть пессимистом и скептиком.

Свердлов перебил меня:

- Так, по-вашему, нужно развивать это анархическое явление в жизни крестьянства?
- О, ваша партия развивать его не будет, — ответил я ему. А Ленин подхватил:
- А во имя чего нужно бы его развивать? Во имя того, чтобы раздробить революционные силы пролетариата, чтобы открыть путь росту и развитию контрреволюции и в конце концов пойти самым и повести весь пролетариат на ее эшафот?

Я не сдержался и нервно заметил Ленину, что анархизм и анархисты к контрреволюции не стремятся и не ведут к ней пролетариат.

- А разве я это сказал? — спросил меня Ленин и далее пояснил: он хотел этим сказать, что анархисты, не имея серьезной своей организации широкого масштаба, не могут организовывать пролетариат и беднейшее крестьянство и, следовательно, не могут подымать их на защиту, в широком смысле этого слова, того, что завоевано всеми нами и всем нам дорого.

Далее мы перевели разговор на другие его вопросы. И на один из них, на вопрос о «красногвардейских отрядах и их революционном мужестве, с которым они защищали наши общие революционные достижения», Ленин заставил меня ответить ему подробнейшим образом. Этот вопрос, видимо, беспокоил его, или же он восстанавливал в памяти то, что еще так недавно проделано было красногвардейскими группами и отрядами на Украине, проделано как будто успешно, с достижением той цели, которую Ленин и его партия ставили перед собой и во имя которой посылали эти группы и отряды из далекого Петрограда и других больших городов России на Украину. Помню, как Ленин с особым душевным беспокойством, которое может быть только у человека, живущего страстью борьбы с ненавистным ему строем и жаждой победы над ним, тревожился, когда я сказал ему:

- Я — участник разоружения десятков казачьих эшелонов, снявшихся с противогерманского фронта в конце декабря 17-го и в начале 18-го года, и хорошо знаком с «революционным мужеством» красногвардейских групп и отрядов, а в особенности их командиров... И мне кажется, что вы, товарищ Ленин, имея о нем

сведения из второстепенных и третьестепенных рук, преувеличиваете его.

- Как так? Вы его не признаете? — спросил меня Ленин.
- Были и революционность, и мужество в красногвардейцах, но не такие уж великие, как вы себе их представляете. Были моменты в борьбе красногвардейцев с гайдамаками Центральной рады и в особенности с немецкими полками, когда революционность и мужество и самих красногвардейцев, и их командиров были очень бледны и ничтожны. Правда, по-моему, это объясняется во многих случаях тем, что красногвардейские формирования производились наспех и придерживались методов борьбы с противником, непохожих ни на партизанские, в глубоком смысле этого слова, ни на фронтовые. Ведь для вас должно быть известно, что красногвардейские группы и отряды, как бы они ни были многочисленны или малочисленны, производили наступления свои против противника по-над линиями железных дорог. Расстояние в 10 -15 верст от железных дорог оставалось свободным; в нем могли находиться сторонники либо революции, либо контрреволюции. И в зависимости от этого в большинстве случаев находился успех наступлений. Лишь на подходах к узловым станциям или городам и селам, пересекаемым железной дорогой, красногвардейские части принимали фронтовую линию и производили свои атаки. Но и тыл, и окружность атакуемого места оставались невыясненными. От этого наступательное дело революции страдало. Потому что при таком ведении его красногвардейские части не успевали даже выпустить свое воззвание ко всему району, как контрреволюционные силы уже переходили в контрнаступление и зачастую заставляли красногвардейцев бежать на десятки верст, бежать опять-таки по путям линий железных дорог, в эшелонах. Таким образом, население деревень их и не видело. И только поэтому оно не могло их поддержать...
- Что же революционные пропагандисты делают по деревням? Разве они не успевают подготовить деревенских пролетариев к тому времени, когда красногвардейские части проходят мимо них, чтобы пополнять их свежими борцами или создавать новые самостоятельные красногвардейские отряды и занимать новые боевые участки против контрреволюции? — нервно спросил меня Ленин.
- Не нужно увлекаться. Революционных пропагандистов по деревням так мало, и они там так беспомощны! А там же сотни пропагандистов, тайных врагов революции, приезжают ежедневно. Ожидать от революционных пропагандистов, что они создадут новые силы революции в деревнях и организованно противопоставят их Контрреволюции, во многих местах и в большинстве случаев не приходится. Ведь время, — в заключение ответил я Ленину, — требует решительных действий всех революционеров и во всех областях жизни и борьбы трудящихся. Не учитывать этого -у нас, на Украине, в особенности -значит дать возможность контрреволюции гетманщины свободно развивать и укреплять свою власть.

Свердлов, глядя то на меня, то на Ленина, с нескрываемым восторгом улыбался. Ленин же, сложивши палец меж палец кисти своих рук и нагнувши голову, о чем-то думал. Затем выпрямился и сказал мне:

- Обо всем, что вы мне сейчас осветили, приходится сожалеть.

А далее, поворачивая голову к Свердлову, добавил:

- Реорганизовав красногвардейские отряды в Красную Армию, мы идем по верному пути, к окончательной победе пролетариата над буржуазией.
- Да, да, — быстро сказал Свердлов. Потом Ленин спросил меня:
- Чем вы думаете заняться в Москве?

Я ответил, что здесь задержался ненадолго: по решению нашей повстанческой конференции в Таганроге я должен быть к первым числам июля на Украине.

- Нелегально?
- Да.

Ленин, обращаясь к Свердлову, говорит:

- Анархисты всегда самоотверженны, идут на всякие жертвы, но близорукие фанатики, пропускают настоящее для отдаленного будущего... — И тут же просит меня не принимать это на свой счет, говоря: — Вас, товарищ, я считаю человеком реальности и кипучей злобы дня. Если бы таких анархистов-коммунистов была хотя бы одна треть в России, то мы, коммунисты, готовы были бы идти с ними на известные условия и совместно работать на пользу свободной организации производителей.

Я лично почувствовал, что начинаю благоговеть перед Лениным, которого недавно убежденно считал виновником разгрома анархических организаций в Москве, что послужило сигналом для разгрома их и во многих других городах России. И я глубоко в душе начал стыдиться самого себя, быстро ища подходящего ответа ему.

Я выпалил в него словами:

- Анархисты-коммунисты все дорожат революцией и ее достижениями; а это свидетельствует о том, что они с этой стороны все одинаковы...

-Ну, этого вы нам не говорите, -сказал смеясь Ленин. -Мы знаем анархистов не хуже вас. Большинство из них если не ничего, то, во всяком случае, мало думают о настоящем; а ведь оно так серьезно, что не подумать о нем и не определить своего положительного отношения к нему революционеру больше чем позорно... Большинство анархистов думают и пишут о будущем, не понимая настоящего; это и разделяет нас, коммунистов, с ними.

При последней фразе Ленин поднялся со своего кресла и, пройдясь взад и вперед по кабинету, добавил:

- Да, да, анархисты сильны мыслями о будущем; в настоящем же они беспочвенны, жалки исключительно потому, что они в силу своей бессодержательной фанатичности реально не имеют с этим будущим связи...

Свердлов усмехнулся и, обращаясь ко мне, сказал:

- Вы этого отрицать не можете. Замечания Владимира Ильича верны.
- А разве анархисты когда-либо признавали свою беспочвенность в жизни «настоящего»? Они об этом никогда и не думают, — подхватил Ленин.

На все это я сказал Ленину и Свердлову, что я полуграмотный крестьянин и о такой запутанной мысли об анархистах, какую Ленин сейчас мне выражал, спорить не умею.

- Но скажу, что ваше, товарищ Ленин, утверждение, будто анархисты не понимают «настоящего», реально не имеют с ним связи и т. п., в корне ошибочно. Анархисты-коммунисты на Украине (или, как вы, коммунисты-большевики, стараясь избежать слова Украина, называете ее Югом России) дали уже слишком много доказательств тому, что они целиком связаны с «настоящим». Вся борьба революционной украинской деревни с Украинской Центральной радой велась под идейным руководством анархистов-коммунистов и отчасти русских эсеров (которые, правда, имели совсем другие цели в своей борьбе с радой, чем мы, анархисты-коммунисты). Ваших большевиков по деревням совсем почти нет, а если есть, то их влияние там совсем ничтожно. Ведь почти все сельскохозяйственные коммуны и артели на Украине были созданы по инициативе анархистов-коммунистов. А вооруженная борьба трудового населения Украины с вооруженной контрреволюцией вообще и с контрреволюцией в лице экспедиционных немецко-австро-венгерских армий была начата, исключительно под идейным и организационным руководством анархистов-коммунистов. Правда, не в ваших партийных интересах признать все это за нами, но это факты, которые вы не можете опровергнуть. Вам, я думаю, хорошо известны по численности и боеспособности все революционные отряды на Украине. Ибо неспроста же вы мне подчеркивали революционное мужество, с которым они так геройски защищали наши общие революционные достижения... Из них добрая половина находилась под анархическими знаменами. Ведь командиры отрядов Мокроусов, М. Никифоров, Чередняк, Гарин, Черняк, Лунев и многие другие, имена которых, чтобы перечислить, потребуют много времени, — они все анархисты-коммунисты. Здесь я не говорю еще о себе лично, о группе, к которой я принадлежу, и обо всех тех отрядах и вольных батальонах защиты революции, которые были нами созданы и которые не могли быть неизвестными вашему высшему красногвардейскому командованию... Все это достаточно убедительно говорит о том, как ошибочно ваше, товарищ Ленин, утверждение, что мы, анархисты-коммунисты, беспомощны, жалки в «настоящем», хотя любим много думать о «будущем». Выше мною сказанное не подлежит сомнению, оно верно, и оно говорит обратное вашим заключениям о нас. Оно говорит всем, в том числе и вам, что мы, анархисты-коммунисты, всем своим существом погрузились в «настоящее», работаем в нем и именно в нем ищем приближения нас к будущему, о котором, да, мы думаем, и думаем серьезно...

В это время я взглянул на председателя ВЦИКа Свердлова. Он покраснел, но улыбался мне.

Ленин же разводил руками и говорил:

- Возможно, что я ошибаюсь...

- Да, да, вы, товарищ Ленин, в данном случае жестоко осудили нас, анархистов-коммунистов, только потому, я думаю, что вы плохо информированы об украинской действительности и о нашей роли в ней, -заметил я ему.
- Может быть. Я этого не отрицаю. Ошибаться свойственно каждому человеку, в особенности в такой обстановке, в какой мы находимся в настоящий момент, — твердил, разводя руками, Ленин.

И тут же, видя, что я немного разнервничался, старался по-отцовски успокаивать меня, с утонченным мастерством переводя разговор на другую тему.

Но скверный, если можно так выразиться, характер мой при всем моем уважении к Ленину, которое я питал к нему при данном разговоре, не позволил мне интересоваться дальнейшим разговором с ним. Я чувствовал себя как бы обиженным. И вопреки сознанию, что передо мною сидит человек, с которым следовало бы о многом и многом поговорить, у которого многому можно научиться, настроение мое изменилось. Я не мог уже быть таким развязным в своих ему ответах, ибо почувствовал, что во мне что-то оборвалось, мне стало тяжело.

Нельзя сказать, чтобы этих быстрых перемен в моем настроении Ленин не заметил. Он их заметил и старался подорвать перемену во мне разговорами на совершенно отвлеченные темы. И заметив, что я начал постепенно выправлять свое настроение (я его чувствовал) и таять перед его красноречием, он вдруг совершенно неожиданно для меня повторно спросил меня:

- Итак, вы хотите перебраться нелегально на свою Украину? Я ответил:
- Да.
- Желаете воспользоваться моим содействием?
- Очень даже, — ответил я.

Тогда Ленин обратился к Свердлову со словами:

- Кто у нас непосредственно стоит теперь в бюро по переправе людей на Юг?

Свердлов ответил:

- Товарищ Карпенко не то Затонский. Лучше всего справится.
- Позвоните, пожалуйста, и узнайте, — попросил его Ленин, а сам повернулся ко мне.

В то время как Свердлов звонил по телефону, справляясь, кто — Затонский или Карпенко — непосредственно стоит у дела переправы людей на Украину для подпольной работы, Ленин убеждал меня, что из его отношения ко мне я должен заключить, что отношение партии коммунистов к анархистам не так уж враждебно.

- И если нам, — сказал Ленин, — пришлось энергично и без всяких сентиментальных колебаний отобрать у анархистов с Малой Дмитровки особняк, в котором они скрывали всех видных московских и приезжих бандитов, то ответственны за это не мы, а сами анархисты с Малой Дмитровки. Впрочем, мы их теперь уже не беспокоим. Вы, вероятно, знаете: им разрешено занять другое здание, там же,

недалеко от Малой Дмитровки, и они свободно работают.

- А имеются ли у вас данные, — спросил я Ленина, — которые уличали бы анархистов с Малой Дмитровки, что они скрывают у себя бандитов?
- Да, Всероссийская чрезвычайная комиссия их собрала и проверила. Иначе наша партия не позволила бы ей действовать, — ответил Ленин.

В это время к нам снова подсел Свердлов и сообщил, что непосредственно у дела стоит товарищ Карпенко, но товарищ Затонский тоже в курсе всех этих дел.

Ленин тотчас же подхватил:

- Так вот, товарищ, зайдите завтра, послезавтра или когда найдете это нужным к товарищу Карпенко и попросите у него все, что вам нужно для нелегальной поездки на Украину. Он вам укажет и надежный маршрут через границу.
- Какую границу? — спросил я его.
- Разве вы не знаете? Теперь установлена между Россией и Украиной граница. Она охраняется немецкими войсками, — нервно заметил Ленин.
- Да вы же считаете Украину Югом России, — заметил я ему.
- Считать — одно, товарищ, а в жизни видеть — другое, — ответил Ленин.

Я на это ничего ему не возразил, так как он продолжал:

- Карпенко вы скажите, что я направил вас к нему. Если будет сомневаться, пусть справится по моему телефону. Адрес, где вы можете видеть товарища Карпенко, такой-то.

И мы все трое поднялись, пожали друг другу руки, сердечно, казалось, поблагодарили друг друга, и я вышел от Ленина, забыв даже напомнить Свердлову о том, чтобы он распорядился по своему секретариату сделать нужную отметку на моих документах на право получения от Моссовета ордера на занятие бесплатной квартиры.

Я быстро очутился во дворе Кремля, так же быстро вышел из него и пошел в номера, к товарищу Бурцеву.

Версия #1

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ создал 30 марта 2025 01:42:14

■■■■■■■■■■ ■■■■■■■■■■ обновил 30 марта 2025 01:42:33